

Гранин и Германия

Трудный путь к примирению

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ:
Санкт-Петербург, 24–25 сентября
Берлин, 15 октября 2019 г.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6
Г77

Гранин и Германия. Трудный путь к примирению :
Г77 Материалы конференций : Санкт-Петербург, 24–25 сентября;
Берлин, 15 октября 2019 г. / отв. ред. Ю. З. Кантор; ред.-сост.
М. Д. Чернышева-Гранина. – М. : Политическая энциклопедия,
2020. – 183 с.

ISBN 978-5-8243-2384-9

В настоящем сборнике опубликованы материалы конференций «Гранин и Германия. Трудный путь к примирению», проходивших в Санкт-Петербурге и Берлине. Участниками конференций стали специалисты из России и Германии. В представленных текстах анализируется литературоведческая, историческая и публицистическая рефлексия на творчество Д. А. Гранина, посвященное Второй мировой войне и «человеческому измерению» германо-российских отношений в XX – начале XXI века. Издание адресовано как профессиональным исследователям, так и всем, кто интересуется историей и литературой XX века.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2384-9

© Коллектив авторов, 2020

© Политическая энциклопедия, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чернышева-Гранина М.</i> Предисловие	5
Приветствие Генконсула ФРГ в Санкт-Петербурге	
<i>Эльте Адерхольд</i>	7

Литературоведческий раздел

<i>Абрамовская И.</i> Повесть «Прекрасная Ута» в контексте путевой прозы	
<i>Даниила Гранина</i>	10
<i>Алексеева И.</i> Живая совесть двух народов («Блокадная книга» на русском и немецком языках)	20
<i>Валенски Т.</i> «Под замком» до осени 1989 года – «Зубр» (1987)	
<i>Даниила Гранина</i> в ГДР	27
<i>Гордин Я.</i> Писатель и история	38
<i>Лерман Е.</i> Как читают Гранина сегодня	45
<i>Линкс К.</i> Выразить невыразимое	49
<i>Хлебников Б.</i> Гранин и Германия. Излечение от ненависти	56

Исторический раздел

<i>Волошина В.</i> Память и история	76
<i>Кур-Королев К.</i> Выступление Гранина в бундестаге.	
Особенности памяти о войне в Германии	86
<i>Ломагин Н.</i> Блокадные дневники и их авторы:	
Дневник <i>А. Ф. Евдокимова</i>	94
<i>Соколовская Н.</i> «Блокадная книга»: освобожденная память	106
<i>Чистиков А.</i> Воспоминания блокадных руководителей как исторический источник (по материалам фонда Д. А. Гранина в ЦГАЛИ СПб)	126

Эссе

<i>Ассман А.</i> Как завершаются войны	138
<i>Кантор Ю.</i> Даниил Гранин. Сложные вопросы истории: опыт интервью	152
<i>Лебедева Е.</i> С Даниилом Граниным в германском бундестаге. Встреча с бундесканцлером Ангелой Меркель и с бывшим бундесканцлером Гельмутом Шмидтом. Взгляд переводчика	159
<i>Летц А.</i> Невероятные приключения Даниила Гранина в Германии в 1956, 1973 и 2000 гг.	166
<i>Тун-Хоэнштайн Ф.</i> Следы истории. Воспоминания о Данииле Гранине	172
<i>Юнке М.</i> Непростой путь к читателю: «Мой лейтенант» и «Блокадная книга»	181

Никита Ломагин

БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ И ИХ АВТОРЫ: ДНЕВНИК А. Ф. ЕВДОКИМОВА

Аннотация: в статье представлены дневниковые записи мастера одного из оборонных заводов Алексея Федоровича Евдокимова, сделанные им в период обороны и блокады Ленинграда. А. Ф. Евдокимов был ровесником советской власти. В 1930-е гг. из деревни переехал в Ленинград, закончил ФЗУ, стал квалифицированным рабочим, а затем мастером на одном из оборонных заводов. Накануне войны вступил в ВКП(б). В январе 1942 г. за ударный труд награжден орденом «Красной Звезды». Дневниковые записи показывают не только особенности повседневной жизни и разные стратегии выживания, но и отношение автора к важнейшим формальным и неформальным экономическим институтам, получившим новое развитие в военное время: займам, деньгам в разные периоды блокады, черному рынку, доверию и др.

Abstract: selected diary entries by Alexei Evdokimov who had been a low level white collar worker at one of Leningrad defense industry plants operated during the blockade shed the light not only on everyday life and survival strategies of the Leningraders but also reflect Evdokimov's take on formal and informal economical institutions being under huge impact by the war, e. g. state loans, cash, black market, trust, etc. Born in 1918 in the province, Alexei Evdokimov moved to Leningrad in 1930s and studied there at a technical school. Upon graduation, he became a worker and then was promoted to a position of a foreman at the same plant. On the war eve, Evdokimov joined the VKP (b). In January 1942, Evdokimov was awarded the 'Red Star' medal for his shock work during the siege.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, голод, оборонная промышленность, рабочие, настроения.

Key words: siege of Leningrad, hunger, military industry, workers, public attitudes.

Об авторе: Никита Андреевич Ломагин, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

About the author: Nikita Lomagin, Doctor of historical science, Professor of the European University at St. Petersburg.

Большое значение для понимания того, что происходило в осажденном городе, имеют материалы личного происхождения – дневники, письма, воспоминания блокадников. Дневники – один из важнейших источников для изучения истории ленинградской блокады, блокадной повседневности, трагедии и героизма. Как говорили авторы «Блокадной книги» А. Адамович и Д. Гранин, это был героизм внутрисемейный, внутриквартирный, где люди страдали, погибали, проклинали; где совершались невероятные поступки, вызванные голодом, морозами, бомбежками и обстрелами¹.

Впервые в отечественной историографии Алесь Адамович и Даниил Гранин использовали методы устной истории – интервью с блокадниками, позволившие получить уникальный материал, впоследствии, правда, ограниченный цензурой. «Люди-свидетели, люди-документы», по образному выражению авторов, представили подвиг и трагедию Ленинграда одновременно. Дневниковая часть книги, состоящая из свидетельств историка-архивиста Г. А. Князева, школьника-подростка Ю. Рябинкина и матери двух маленьких детей Л. Г. Охупкиной дополняет первую часть. Эта книга, написанная «в соавторстве с народом»², внесла огромный вклад в исследование блокады, задала ему совершенно новый ракурс – восприятия ленинградской эпопеи через судьбы отдельных людей, их переживания, поступки и настроения.

В настоящее время в распоряжении историков имеется более 200 дневников блокадников, которые находятся в архивах Санкт-Петербурга, а также в рукописных отделах библиотек и музеев. Может показаться, что это совсем немного, учитывая, что блокадный опыт в той или иной степени имели более 2 млн человек. Попытки партийных органов в период войны вести коллективный дневник не увенчались успехом, хотя доводы в пользу этого начинания были убедительными. В конце ноября 1941 г. руководство Кировского райкома ВКП(б) отмечало, что «...мы живем в интересный период человеческой истории, которая не должна пройти бесследно в будущем. Вполне естественно, что историки будут искать всякий материал для того, чтобы понять этот момент, понять, как это можно было в Ленинграде в такой тяжелый период своими ресурсами обороняться в течение такого долгого времени, и обороняться успешно, – понять, из какого теста были сделаны люди, которые здесь находились, понять, как это в четырех километрах от противника можно

было работать, производить материальные ценности, изобретать и т. д. и т. д., и проводить сегодня совещание и думать об истории. <...> У нас возникла мысль... о том, что нужно создать какой-то такой документ, который бы каждодневно обрисовывал те события, которые происходят у нас в районе. ...Мы предлагаем завести дневник района. Каждый наш работник райкома ежедневно все, что он находит нужным заносить в этот дневник, все, что он наблюдает интересного, – заносит в дневник... Вот такой дневник если бы мы вели с самого начала военных действий, то можно увидеть и изменение психологии людей, как к этому относилось население. Сейчас те, которые не хотели уезжать из Ленинграда, приходят и говорят: «А почему Вы нас не арестовывали за то, что мы не уезжали?»³. Однако далеко не все работники аппарата райкома были готовы делиться даже со своими товарищами по работе переживаниями и оценками о текущем моменте. Идея создания коллективного дневника так и осталась лишь благим пожеланием.

На основании дневников написан ряд диссертационных исследований и книг. Наиболее глубокими из них являются докторская диссертация Элеоноры Мартино-Фристо, совместная книга Синтии Симмонс и Нины Перлиной, монографии Лизы Киршенбаум и Алексис Пери и, конечно, две книги Сергея Ярова о повседневной жизни в осажденном Ленинграде и о блокадной этике⁴. При этом до сих пор нет ни одного специального исследования, которое посвящено истории жизни и выживания рабочих и инженерно-технических работников низового уровня, трудившихся на предприятиях города, как, впрочем, нет и опубликованных дневников представителей этой категории. Многие из них эвакуировались со своими предприятиями или уходили на фронт, а тех, кто оставался в городе и продолжал трудиться, становилось все меньше и меньше. Рабочие и мастера были заняты на производстве, зачастую находились на казарменном положении, жили в цехах и им было непросто вести дневник. К тому же нужны были тетради, бумага, чернила, которые замерзали от холода. В городе не было электричества, существовали жесткие требования по светомаскировке. Таким образом, писать приходилось урывками, большей частью днем при естественном свете.

Знакомство с дневниками трудящихся оборонной промышленности важно не только потому, что даже в условиях крайнего недостатка продовольствия и топлива в городе продолжали работу почти двести предприятий, поддерживавших жизнь в осажденном городе и оказывавших помощь защитникам города, производя боеприпасы и осуществляя ремонт техники, но и в связи с тем, что именно рабочие и ИТР занимали привилегированное положение в иерархии потребления города (за исключением, конечно, партийно-советской

номенклатуры). Одной из важнейших, если не важнейшей и наиболее распространенной стратегией выживания в блокированном Ленинграде, было стремление горожан получить рабочую карточку, нормы выдачи продовольствия по которой значительно превосходили нормы иждивенцев. В материалах Продовольственной Комиссии Военного Совета Ленинградского фронта, которая рассматривала многочисленные обращения ленинградцев, представлены сотни индивидуальных и коллективных просьб горожан перевести их на нормы снабжения рабочих. Именно они были преобладающими в общем потоке писем в органы власти в годы блокады⁵.

Однако было ли этого достаточно, чтобы не умереть в первую блокадную зиму? Как себя чувствовали работавшие молодые здоровые одинокие ленинградцы, семьи которых были эвакуированы, и они могли использовать приобретаемые нормированные товары исключительно для собственных нужд? Иными словами, речь идет о своего рода идеальном типе представителя слоя общества, который находился в особом привилегированном, по мнению иждивенцев, положении с точки зрения снабжения. Наконец, уместен и вопрос о том, какое новое знание дает нам дневник как источник для изучения политэкономии блокады, в том числе отношения к деньгам, займам, черному рынку, формированию запасов дров и продовольствия, инициативам власти в области развития огородничества и т. д.?

На эти и ряд других вопросов проливает свет дневник мастера одного из оборонных заводов Ленинграда Алексея Федоровича Евдокимова⁶. Кроме дневника, нам удалось обнаружить личное дело члена ВКП(б) А. Ф. Евдокимова, которое хранится в ЦГАИПД СПб. В деле есть материалы биографического характера, связанные с вступлением Евдокимова в члены партии.

А. Ф. Евдокимов был ровесником советской власти, он родился 1 февраля 1918 г. После окончания семилетней школы в селе Медведь в Новгородской губернии и учебы на первом курсе педагогического техникума в Детском селе Евдокимов поступил в фабрично-заводское училище балтийского морского пароходства, но после его окончания решил получить еще одну специальность и пошел в ФЗУ завода № 5 наркомата боеприпасов. По завершении обучения в 1936 г. в течение года трудился там рабочим, а с 1937 по 1941 г. был уже мастером. В 1939 г. Евдокимов как передовик-стахановец и способный организатор производства вступил в партию. В разгар боев под Ленинградом в августе 1941 г. пытался уйти добровольцем в армию, но его туда непустили как высококвалифицированного специалиста, мастера одного из номерных заводов наркомата боеприпасов.

В течение военных месяцев 1941 г. Евдокимов со своей бригадой самоотверженно работал в чрезвычайно тяжелых условиях. О плачевном состоянии обеспечения ленинградской промышленности основными видами металлов и химикатов Уполномоченный Госплана СССР по Ленинграду информировал секретарей ГК ВКП(б), отмечая, что по этой причине крупнейшие предприятия не выполняли свои планы. При этом «особо неудовлетворительно положение сложилось с обеспечением промышленности селитрой (аммиачной, натриевой и калиевой), бертолетовой солью, ацетоном, хлором жидким, формалином и др.»⁷. В годы войны Охтинский химкомбинат, на котором работал Евдокимов, используя заменители, производил боеприпасы, в том числе для минометов «Катюша»⁸. В январе 1942 г. рабочие и инженерно-технические работники комбината за бесперебойное обеспечение фронта боеприпасами были удостоены правительственных наград, а Евдокимов был награжден орденом «Красной звезды»⁹.

Семья А. Евдокимова также была безупречной с точки зрения представлений власти: родители Евдокимова были крестьянами и до революции занимались земледелием, его брат Сергей был членом партии и проходил службу в РККА, сестра Мария до войны работала и проживала в Ленинграде, а жена Агриппина была членом ВКП(б), до войны работала на заводе № 5, но впоследствии вместе с сыном уехала в эвакуацию.

Блокаду А. Евдокимов переживал один, без семьи, что, с одной стороны, давало ему возможность использовать самому весь причитающийся ему паек, а с другой – лишало его некоторых преимуществ семейной жизни. Именно здоровая семья была важным механизмом создания общественных благ (прежде всего, безопасности, а также отдыха, тепла и сна) и распределения труда в условиях жесточайшего кризиса.

Алексей Евдокимов был образцом советского молодого патриота, безгранично преданного своей родине. Мы вполне солидарны с мнением, что анализ материалов личного происхождения целесообразно проводить, учитывая, что наиболее достоверны те сведения, которые противоречат основному направлению тенденциозности документа, а наименее достоверны – совпадающие с ним¹⁰. Принимая во внимание возраст, образование, партийную принадлежность и опыт А. Евдокимова как передовика производства на одном из важнейших оборонных предприятий, отмеченного в годы блокады боевым орденом, можно предположить, что наименее ожидаемыми будут критические суждения в отношении органов власти и управления.

Дневник охватывает период с самого начала Великой Отечественной войны до 25 апреля 1944 г. Отношение к войне и врагу,

оценка общей ситуации в городе и на заводе, где он трудился, особенности быта нашли отражение на более чем 170 страницах убористого текста. Записи в дневнике весьма лаконичны. Евдокимов прост и честен, он не умеет «играть» словом. Иногда повторяет слова передовиц «Ленинградской правды», но в целом эти заимствования видны, что называется, невооруженным глазом.

Дневник Евдокимова не позволяет восстановить картину жизни в городе день за днем, в нем есть, порой, существенные временные разрывы, когда записи не велись или же они были очень фрагментарны. Однако основные вехи блокадной эпопеи представлены в нем довольно полно: патриотический подъем и желание уйти в армию после нападения Германии, начало вражеской осады города, нарастание трудностей со снабжением и наступление голода, напряженная работа на заводе, надежды на прорыв блокады, активное участие в сборе средств для нужд обороны, а также работа на огороде, ставшая для ленинградцев одним из наиболее значимых способов создать запасы овощей летом 1942 г. Для А. Евдокимова, выходца из деревни, труд на земле был привычен и, судя по дневниковым записям, доставлял радость, хотя работать приходилось после завершения смены на заводе. Наконец, записи осени – начала зимы 1942/1943 г. свидетельствуют о том, что жизнь в городе была чрезвычайно тяжелой, несмотря на значительное сокращение численности населения. Не случайно, что в дневнике появляются записи, в которых проводятся аналогии с первой блокадной зимой.

Итак, обратимся к дневниковым записям. В августе – сентябре 1941 г. Евдокимов выразил настроение патриотически настроенного большинства ленинградцев, готовых встать на защиту Ленинграда и бороться за него до конца:

22 августа: «Так дальше не могу. Уйду! Мои товарищи давно ушли на фронт... Сегодня записался добровольцем в Народное Ополчение. Настою, чтобы быстрее отправили меня в действующую армию...»

10 сентября: «Приехал с фронта. В качестве рабочей делегации я пробыл на передовых позициях четыре дня. Финны подошли к старой границе – наши части продолжают оборону. Несмотря на большие трудности, моральное состояние бойцов превосходное... Несколько дней подряд немцы бомбят Ленинград... Немцы, как хищные псы, достойны только мести, и эти ночи мне сорок лет не позабыть. Мы будем мстить! Мы отомстим!»

14 сентября: «Воскресенье... Нацисты дали нам последний срок сдачи города. К 12 числу в случае отрицательного ответа они обещали

стереть нас с лица земли. Сегодня и вчера фашисты сбросили листовки и снова требуют прекращения сопротивления. Врете гады! Нас не запугаете. Драться будем с тройной силой... Немцы подошли к Красному Селу. Трудно. Месяц бьются ленинградцы у ворот. Сплошная канонада доносится со всех сторон. Город потерял связь с родной страной... Враг силен, но сила народная непобедима...»

22 сентября: «Сутками нас бомбят, обстреливают, а все же нас не запугать. Они угрожают стереть нас с лица земли, но это тоже ленинградцев не пугает. Самое страшное для нас фашистская кабала»¹¹.

Первое признание того, что в городе наступает голод, и он это почувствовал на себе, произошло уже 26 октября: «И не бомбят, и тревог нет, но город снова в крови. Уже вторые сутки непрерывно по городу стреляют из дальнобойных орудий. Бомбежку легче пережить, чем это кошмарное злодеяние. Смерти ждешь каждую минуту и не знаешь, где укрыться от нее... Какая-то апатия, вялость и дряхлость овладели мною. Устал или ослаб? и то, и другое»¹².

Запись о годовщине революции поражает ясностью осознания замысла противника, а затем следует ряд коротких, но очень емких замечаний, свидетельствующих о быстром нарастании продовольственного кризиса, наступившего и самого Евдокимова в начале декабря.

7 ноября: «Великий праздник. Мы в прежнем положении. <...> Немцы решили взять нас измором. Они хотят задушить нас голодной смертью и перебить ежедневными обстрелами и бомбежками. Нет, гады! Врешь!.. Нас голод не возьмет!»

15 ноября: «Помимо ежедневных бомбежек и артобстрелов, в городе начался свирепый голод... Как скорбно смотреть на опухших от голода несчастных детей».

20 ноября: «Хлеба снова сбавили... Рабочие валяются с каждым днем все больше и больше. Вчера в бригаде Нефедовой не вышел ни один человек. Вся бригада обессилела и заболела. У меня опухли ноги... Нет сил распилить дрова. Больше сижу и лежу».

30 ноября: «Ох, ты, голод, голод, голод! Как тебя только пережить. Кто будет жить, тот никогда не забудет эти дни и всегда будет знать цену жизни. С голоду опухло почти все население. С улиц исчезают лошади, кошки, собаки. Особенно умирают дети. Сегодня из 13 человек бригады на работу вышли только трое. Десять человек свали-

лись и одиннадцатый упал до обеда в мастерской. Я сказал до "обеда". Какого обеда? <...> в столовой бывает только крупяной суп по 8 коп. или щи из свекличной хряпы по 17 коп. Две тарелки не дают. За сутки 50 коп. проесть невозможно... Упадок сил. Температура 35,4. Ноги опухли. Стало пухнуть лицо...»

5 декабря: «День Конституции. Работали, как и в обычный рабочий день... Сегодня я наблюдал ужасную картину. Выходя из 42-й столовой, я споткнулся в коридоре о сидевшего старика. Он бессильно полулежал у стены и, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, с волчьей завистью грыз их дряблыми зубами. Это ужасно, но это стоило ему жизни еще на несколько дней. Я окончательно обессилел...»¹³

В декабре деньги обесценились. На черном рынке процветает товарообмен. Спросом пользуются продукты, табак, вино, водка, теплые вещи. Когда вскоре на заводе объявили о подписке на лотерею, Евдокимов с легкостью подписался на значительную сумму. «Теперь в получку буду получать не более чем 25–30 руб. Денег не жаль. Их некуда девать»¹⁴.

Тут же присутствует запись об обмане со стороны некоей Маруси, которой доверчивый Евдокимов передал карточки и потерял «всю норму рыбы, 0,5 кг мяса, 1,5 кг крупы, 350 грамм масла, пиво, вино и др. продукты». Но Евдокимов понимает мотивы поведения этой женщины и фактически прощает ее, отмечая, что «она по отношению ко мне сделала подло, но зато она продлила жизнь двум своим детям и себе»¹⁵.

Несмотря на радостные сообщения об успешном наступлении под Москвой и общий подъем настроения в связи с ожиданием прорыва блокады, в середине декабря Евдокимов впервые говорит о том, что живет и работает на пределе своих возможностей и может умереть:

18 декабря: «Голод освирепел. Народ падает как отравленные мухи; валятся на ходу и больше уже не поднимаются. Хоронят без гробов. Кладбище переполнено трупами и их не успевают зарывать. Умерли мои лучшие рабочие... Боюсь за себя. Впервые подумал, что больше двух недель никак не продержусь. Хочется жить. Очень не хочется умирать, а смерть близко».

21 декабря: «На фронтах победа за победой. Взят г. Калинин, Ефремов, Волоколамск и многие др. Войска Ленинградского фронта также близки к победе... Спасение совсем близко. Кольцо блокады трещит по швам. Близок час неопишуемого торжества»¹⁶.

Этим надеждам на избавление от вражеской осады не суждено было сбыться. В городе резко возросла смертность. Со второй половины декабря 1941 г. Евдокимов в основном пишет о развитии кризиса, бессилии власти в отношении захоронения умерших, упоминает о трупоедстве. Тема смертности становится одной из основных. По мере некоторого улучшения снабжения отмечает изменение цен на черном рынке. Лишь дважды за полтора месяца мрачный характер записей прерывается коротким всплеском радости: в первый раз в связи с награждением орденом «Красной Звезды» 15 января, второй – после получения письма от жены в конце февраля:

24 декабря: «В цеху сейчас работаю и днем и ночью... Работаю начальником мастерской, мастером... Как хочется жить. Только бы не заболеть и не упасть».

1 января 1942 г.: «...жить стало легче. Прибавили хлеба. Сегодня на моих глазах умер в цеху один рабочий. Это ужасно...»

10 января: «Ужасная картина. Город замерз. Город стоит как мертвый истукан. Больше месяца не ходят трамваи, радио молчит, ни газет, ни писем не доставляется. Что делается кругом, совершенно неизвестно...

По городу валяется бесчисленное множество трупов и их никто не убирает (у одного трупа крысы выели глаза и съели нос, но никто ничего не делает)».

«Нервы у всех настолько притуплены, что только собственная жизнь и занимает мозг. Чувствую себя крайне плохо. С 24 декабря еще не раздевался. Приходится очень много работать. Живу в цеху».

15 января: «Какая радость. Кто мог думать, что за все свои муки и труд, я получу такую оценку?.. Заслужил ли? <...> На митинге очень волновался и хотел очень много сказать и не смог».

21 января: «...умирают каждый день по несколько человек в цеху. Трупы валяются по-прежнему, смертность все увеличивается. <...> Ждали 21-го числа как приговора, как спасения. Почему-то все ждали прибавки хлеба, но ожидания тщетны...»

28 января: «Умерли мастера Магид и Зильберберг. Умерли кассир завода и бухгалтер Макаров... Завод как мертвый истукан. Все замерзло, все умирает. Несмотря на надбавку хлеба, смертность с каждым днем растет... Очень хочу жить...»

3 февраля: «...смертность растет – положение не улучшается. Надежды на жизнь я с каждым днем имею все меньше и меньше. Смерть близка... Если суждено упасть, передайте эту запись моей жене. Она должна знать, что и в последние минуты в сердце я с ними – я их».

10 февраля: «...началась массовая эвакуация из города... Смертность в городе все увеличивается. Начали появляться заразные болезни. Квартиранты продолжают чистить сарай. Жгут мои дрова без всякого стеснения».

13 февраля: «С 11 февраля прибавка по 100 грамм хлеба. В магазинах стали давать крупу и другие продукты. Для жителей положение резко улучшилось... в связи с надбавкой хлеб у спекулянтов подешевел. Вместо 800 руб. можно найти по 500 руб... Случаи продажи человеческого мяса и поедание мертвецов и своих детей стали резко учащаться. Кошек и собак в городе давно нет, и их так же ценят, как и хлеб».

28 февраля: «Получил письмо от жены, узнал, что сын жив. Плакал»¹⁷.

6 марта: «Получил премию в размере месячного оклада и это очень кстати, т. к. я живу сейчас совершенно без денег. Занял уже 150 руб. Хотелось бы купить еще хлеба, но совершенно не на что»¹⁸.

В течение всей первой блокадной зимы Евдокимов скрывал от жены те условия, в которых он находился, оберегая свою Граню. Он редко упоминает о жене, но постоянно о ней думает:

2 декабря: «...последние дни я ее стал часто видеть во сне... Даже в цеху достаточно присесть на стул, как передо мной всплывает ее образ, тело уплывает в какое-то райское блаженство, и ты мгновенно засыпаешь. Да! Я люблю ее. Я люблю ее как друга, как жену и как товарища-коммуниста».

21 марта: «...получил от Грани письмо. Она его писала 18 февраля. Ей стало известно о том, что жизнь в Ленинграде связана с большими переживаниями. Я ей об этом не писал... в самые суровые, в самые тяжелые минуты жизни я бы и во сне, и наяву только с вами, только, Граня, с тобою»¹⁹.

Весной и летом 1942 г. очень важной для всех ленинградцев темой было огородничество. Максимальное использование собственных ресурсов наряду с эвакуацией большей части нетрудоспособно-

го населения должны были привести к существенному улучшению снабжения тех, кто остался в городе. Для выращивания овощей были задействованы практически все участки земли, включая парки, с Большой земли в Ленинград завезли в необходимом количестве семена. Запись в дневнике 19 июня 1942 г. свидетельствует о том, что Евдокимов принял в ней самое активное участие, засадив девять грядок свеклой, турнепсом, морковью, луком, салатом и т. п., а пять грядок занял рассадой брюквы и капусты²⁰.

Помогло ли это ему в дальнейшем? Как увидим, нет. До прорыва блокады в городе по-прежнему было очень голодно. Евдокимов вновь предпринимает попытку уйти в армию, как и прежде, бедствуя, поддерживает кампании по сбору средств для помощи фронту, и, наконец, радуется победам на Ленинградском фронте, сравнивая эмоции людей с праздником Пасхи:

13 декабря: «Ноги пухнут по-прежнему. Очень ослаб. Хлопочу об уходе в армию. Лучше погибнуть от пули врага, чем споткнуться и как дохлой собаке валяться где-нибудь в канаве... Усиленно занимаюсь заготовкой дров...»

17 декабря: «Кошмар и ужас!.. Люди снова начинают падать, люди пухнут и умирают... Положение в цеху ужасающее – программа в опасности... Нет дров. Это ужасно!.. Это напоминает декабрь месяц 1941 г.»

3 января: «Пожертвовал 900 руб. на эскадрилью самолетов “Красногвардейцев”, (хотя) я и бедствую как нищий... Придется что-либо продать».

11 января: «Голодного ничего не радует, ничто не мило. Жрать хочу, как волк, абсолютно нечем потешить своего желудка».

19 января: «Вся публика ликует, плачет, обнимается. Дело доходит чуть ли не до поцелуев. Точь-в-точь как раньше в Пасху... Признаться – не стерпел и тоже согнал с лица несколько слезин. Такого дня в жизни еще не переживал. В столовой, в цеху и всюду только и был об этом разговор. Почти никто не работал... Настал и для нас праздник... Операциями прорыва руководили: Ворошилов, Жуков, Говоров, Мерецков... Слава седым орлам!»²¹

К сожалению, жанр данной статьи позволяет лишь в самых общих чертах представить то, как Алексей Евдокимов прошел через блокаду. Он был деятельным патриотом и смог вынести все испытания – продолжал упорно работать, невзирая на голод, смерть товарищей,

прегрешения соседей. Готовый к самопожертвованию, он был одним из тех, благодаря кому выстоял Ленинград.

Примечания

- ¹ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 2019. С. 9.
- ² Рубашкин А. О подвиге и трагедии Ленинграда (Размышления о «блокадной» литературе) // Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 428.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 776. Л. 1–3.
- ⁴ Élénora Martino-Fristot. La mémoire du blocus de Léningrad 1945–1999. École des Hautes Études en Sciences Sociales. 2001; Cynthia Simmons, Nina M. Perlina. Writing the Siege of Leningrad. Women's Diaries Memoirs and Documentary Prose. Pittsburgh University Press, 2005; Kirshenbaum Lisa A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, Memories and Monuments. Cambridge University Press, 2006; Alexis Peri. The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad. Harvard University Press, 2017; Яров С. В. Блокадная этика. М., 2012; Он же. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2014.
- ⁵ См.: Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. 3-е изд. М., 2017.
- ⁶ Государственный Мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда (ГММБЛ). Рукописно-документальный фонд. Д. 30. Оп. 1р. Дневник Евдокимова Алексея Федоровича (далее – ГММБЛ. Дневник Евдокимова).
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5109. Л. 11–12.
- ⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 990. Л. 71–72.
- ⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 609428. Л. 2об. 12 января 1942 г. за работу на заводе № 522 НКБ награжден орденом Красной Звезды.
- ¹⁰ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. М., 1997. № 3. С. 95, 97, 104.
- ¹¹ ГММБЛ. Дневник Евдокимова. Л. 66–68.
- ¹² Там же. Л. 70.
- ¹³ Там же. Л. 71–73.
- ¹⁴ Там же. Л. 75–76.
- ¹⁵ Там же. Л. 73.
- ¹⁶ Там же. Л. 77.
- ¹⁷ Там же. Л. 78–86.
- ¹⁸ Там же. Л. 86.
- ¹⁹ Там же. Л. 89.
- ²⁰ Там же. Л. 101.
- ²¹ Там же. Л. 123.

В настоящем сборнике опубликованы материалы конференций «Гранин и Германия. Трудный путь к примирению», проходивших в Санкт-Петербурге и Берлине. Участниками конференций стали специалисты из России и Германии. В представленных текстах анализируется литературоведческая, историческая и публицистическая рефлексия на творчество Д. А. Гранина, посвященное Второй мировой войне и «человеческому измерению» германо-российских отношений в XX – начале XXI века.

